Ш-642

ЕДИНОБОРСТВО

ЧЕЛУБЕЯ И ПЕРЕСВѢТА.

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ.

КОМНАТА С | ШКАФЪ XXX
ПОЛКА 2 | № 4155
ИНВЕНТАРЯ

29

Мин. кат

136573

~~136573~~

~~972~~

ЕДИНОБОРСТВО

ЧЕЛУБЕЯ И ПЕРЕСВѢТА.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Князя Платона

Ширинскаго-Шихматова.

2278

Проверено 1938 г.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ

Санктпетербургъ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома 1822 года.

4748

09:8р.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ
7 Декабря 1822 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

№ 1940

ЕДИНОБОРСТВО

ЧЕЛУБЕЯ И ПЕРЕСВѢТА.

Свѣтило дневное изникло изъ за горъ
И чудный зрѣнію представило позоръ:
Текутъ два воинства, на брань ведомы рокомъ,
Текутъ, какъ двѣ стѣны, въ молчаніи глубокомъ;
Струями отъ щитовъ ихъ мещутся лучи,
Сверкаютъ копія и свѣтятся мечи
Такъ страшны молніи средь тучей черныхъ зрятся,
Но громъ еще молчитъ и вѣтры не ярятся;
Природа скорбная во мракъ погружена,
И бурѣ гибельной предходитъ тишина.
Ужь взоры воиновъ другъ друга достигаютъ,
Другъ другу смерти путь надежный избираютъ;

Ужъ стрѣлы рѣются послушны тетивамъ,
И копья крови ждутъ направленны къ врагамъ.
Димитрій на конѣ предводитъ Россовъ рвенье;
Мамай востекъ на холмъ, и воинствъ зря дви-
женье,
Обильную принесть мечтаетъ смерти дань.
Чтожъ въ грозномъ шествіи остановило брань?
Не быстрая рѣка оплоты проломила,
Не туча грозная верхи лѣсовъ склонила,
Изъ воинства Татаръ исторгся Челубей.
Звучитъ оружіемъ; онъ палицей своей
Межъ воинствъ повернулъ — и поприще от-
крылось.
Отъ шлема мѣдяна сіяніе струилось;
На шуйцѣ окраенъ сребромъ желѣзный щитъ
Затмѣнныя луны являлъ суровый видъ;
Ко поясу булатъ прицѣпленъ изощренный,
Мешалломъ грудь его и мышцы покровенны.
Надежный на себя онъ гласомъ возгремѣлъ,
Вѣщаніемъ его весь воздухъ возшумѣлъ:
Единоборствуйте, храбрѣйшіе, со мною!
И знайте, дерзкіе: побѣду надъ ордою
Лишь смертію моей вы можете купить;
Безъ подвига сего отчайтесь побѣдить.
Бѣгите со стыдомъ, который вамъ обыченъ;
Возмите посохи, а мечъ не вамъ приличенъ.
Сказалъ—и ярый взоръ на Россовъ утвердивъ,
Онъ такo продолжалъ: дерзнетъ ли кто про-
тивъ?

Иль чувство не живетъ межъ Россами геройско,
И только робкими исполнено все войско?
Гдѣ вашихъ днесь торжествъ сокрылися мечты?
Въ отвѣтъ лишь предъ собой вы ставите щиты:
Преграда слабая моей всесильной длани!
Я тысящьми сражу и не явлю вамъ брани.
Единоборецъ Россъ коль не изыдетъ въ бой,
Ряды сихъ полчищей, сгущенные спѣной,
Я въ холмы претворю, и Куликово поле
Въ пространный гробъ: падутъ и не восстанутъ болѣ.
Умолкъ — и отъ чела забрало опустилъ;
Свирѣпый видъ его всѣхъ зрящихъ ужасилъ.
Прещенье ярое изъ мѣдяной гортани
На шагъ подвигло вспять сыновъ неробкихъ брани,
Но вспомнивши потомъ, что Россами слывутъ,
Впередъ ступили два и Челубея ждутъ.
Щиты сліялися, мечи ихъ возблистали,
Ихъ очи мщеніемъ и гнѣвомъ воспылали;
Готовъ былъ каждый Россъ пожертвовать собой
И съ сильнымъ отъ Татаръ вступить въ неровный бой;
Изникнутъ изъ рядовъ лишь потому коснѣли,
Что изволенія отъ Князя не имѣли.

Священновитязь ихъ, смиренный Пересвѣтъ,
Къ Всевышнему межъ тѣмъ съ горячностью зоветъ:
О Боже праведный! сопри враговъ киченье;
Пролей на нихъ твой гнѣвъ невѣрнымъ въ обличенье;
Избранный свой народъ отъ срама возведи;
Не мы, о Боже силъ! ты самъ ихъ побѣди.
Скончавъ, къ Димитрію спрѣлою онъ пустился,
И Россовъ предъ вождемъ усердно преклонился.
Позволь, онъ рекъ ему, да инокъ Пересвѣтъ
Единоборствовать съ неистовымъ идетъ.
На скудость силъ моихъ не обращись вниманьемъ:
Я тѣломъ немощенъ, но крѣпокъ упованьемъ.
Былъ силенъ Голіафъ, но Богъ его сильнѣй:
Онъ отроку помогъ десницею своей,
И отрокъ низложилъ ужасна исполина;
И Челубея ждетъ подобная судьбина. —
Самъ Богъ тебя послалъ, Димитрій рекъ въ отвѣтъ,
Явись въ доспѣхахъ вновь, любезный Пересвѣтъ! (1)
Самонадѣянье и гордость сопостата
Въ ничто преобрати концемъ сего булата.
Съ симъ словомъ отъ бедра мечъ грозный отлучилъ,

Изсунувъ изъ ноженъ, воителю вручилъ.
Ударъ сего меча Всевышній да направишъ,
Нечестіе сразишъ, смиреніе прославишъ.
Положишь гордости Татарина конецъ,
Иль стяжешь въ вѣчности безсмертія вѣнецъ.
Дерзай на подвигъ сей, о мужъ боголюбезный! —
Скончавъ, облобызалъ и пролилъ токи слезны.
На битву Пересвѣтъ какъ вѣтеръ полетѣлъ,
Но брата предъ собой слезящаго узрѣлъ.
Проспи, онъ нѣжно рекъ, напавъ къ нему на вью,
Я ратовать иду за Вѣру, за Россію;
И если суждено мнѣ въ брани умереть,
Ко благу ревностью тщись слезы отереть. —
Безмолвенъ былъ Ослебъ, печаль его вѣщала,
Біенье внутреннихъ, дыханье учащала;
Онъ взоры томные на брата устремлялъ,
Взводилъ ихъ на Мурзу и въ землю потуплялъ.
Не смѣлъ онъ охуждать рѣшительность героя,
Но вмѣстѣ и конецъ страшился видѣть боя.
То инокъ усмотрѣвъ, проникнутый до слезъ
Исторгнулся изъ рукъ и въ воинахъ изчезъ.
Свирѣпый Челубей уже скучалъ медленьемъ,
Уже онъ начиналъ оскудѣвать терпѣньемъ,
Какъ храбрый Пересвѣтъ явился внѣ знамень.
Главу, посребренну наитіемъ временъ,

Предъ православными онъ низко преклоняетъ;
Простите, братія, къ сорапникамъ взываетъ,
Простите грѣшника, дерзающаго въ бой.
Коль узрите меня бездушна предъ собой,
Возлите къ небесамъ молитвы умиленны,
Да не паду во мракъ, грѣхами подавленный.
Сказалъ — и подъ хоругвь во прахъ поникъ челомъ;
На коей міра Спасъ изображенъ съ крестомъ.
И се течетъ на брань стопой неробкой, важной;
Надежды лучъ въ очахъ, и духъ его отважной
Ягнѣетъ на челѣ, румянится въ щекахъ;
И тѣнь къ нему простерть не смѣетъ черный страхъ.
Не мѣдянымъ щитомъ и не броней желѣзной,
Богонадѣяньемъ, молитвой теплой, слезной,
Святыхъ оружіемъ щитился Пересвѣтъ;
Ничтожилъ мысли злы, какъ тьму ничтожитъ свѣтъ.
Верженіемъ копья отъ грозна Челубея
Остановился Россъ и ждетъ къ себѣ злодѣя.
Единоборца сей мгновенно обозрѣлъ,
Смутился мыслію и гнѣвомъ воскипѣлъ.
Кто дерзость далъ тебѣ, чтобъ равновашь со мною?
Татаринъ въ ярости съ подъятой вверхъ главою

Ко иноку вѣщалъ; брегися мечъ простерть;
Бѣги отселѣ прочь коль не влюбленъ ты въ
смерть. —
Въ отвѣтъ же Пересвѣтъ: надменный, съ
кѣмъ вѣщаешь?
И Россу ли, какъ даръ, ты бѣгство предла-
гаешь?
Ты зрѣлъ ли въ Россахъ страхъ, боязнь жи-
вешъ ли въ нихъ?
Ихъ крѣпость въ доблести, не въ множествѣ
своихъ.
Но силой не земной я нынѣ ополчаюсь,
На Бога вышнихъ силъ надеждой полагаюсь;
Когдабъ и тысящей враговъ стиралъ я рогъ,
Въ могуществѣ предъ нимъ пылинкой быть
не могъ.
— На силы чуждыя тотъ долженъ опираться,
И ими въ видимой напасти укрѣпляться,
Кто собственныхъ лишенъ, рекъ злобный
Челубей;
Въ побѣдахъ одоленъ десницѣ я своей,
На силы собственны, на мечъ мой уповаю;
Безъ помощи боговъ противныхъ низлагаю.
И ты, коль въ гибели лишь ищешь днесь от-
радъ,
Мгновенно, дерзостный, низыдешь въ мрач-
ный адъ.
Тамъ воинамъ Орды, Россіею сраженнымъ,
Но паче возвѣсти при Вожѣ низложеннымъ (2),

Что тризну мы по нихъ сегодня совершимъ,
Вѣнецъ Димитрія и царство сокрушимъ. —
Вѣнцы взлагаетъ Богъ и ихъ съ царей слагаетъ,
Смиренно Пересвѣтъ кичливому вѣщаетъ;
Онъ вержетъ царства въ прахъ и выситъ къ небесамъ.
Оставивъ прю словесъ, прибѣгнемъ мы къ мечамъ;
Не славно, мню, тебѣ со мною словопрѣнье,
Ты въ подвигахъ яви свое ко славѣ рвенье.
Безгнѣвно провѣщалъ и не смущенъ лицемъ
Къ Ордынцу приступилъ съ возвышеннымъ мечемъ.
— Постой, вскричалъ Мурза; въ оружье облеченну,
Мнѣль быть противникомъ Московцу обнаженну?
Довольно ужь стыда мнѣ ратовать съ тобой;
Безъ всеоружія сраженъ ты будешь мной. —
Съ симъ словомъ тяжкій щитъ онъ сильно повергаетъ:
Летитъ, катится, палъ — и войски огромляетъ;
Въ оружьи воиновъ раздался томный стонъ.
Поверженна броня пускаетъ громкій звонъ.
Доспѣховъ совлеченъ онъ лишь съ мечемъ остался.
Но Пересвѣтъ межъ тѣмъ моленью предавался;

Онъ вѣрой воскриленъ взываетъ къ небесамъ:
Услыши, Трисвятый, приникни въ помощь самъ!
Не слава тлѣнная ведетъ меня днесь къ бою,
Тобой плѣненъ мой духъ, я дерзостенъ шо-бою. —
Престалъ — и вдругъ какъ левъ онъ ринул-ся на бой.
Татаринъ возревѣлъ какъ бранною трубой
И съ крикомъ на врага всей силой устремился.
Мечемъ сей встрѣтилъ мечъ и смерти укло-нился;
Невольно витязи шатнулися назадъ,
Подъяли вновь мечи и смертію грозятъ.
Лѣется по рядамъ глубокое молчанье,
И воиновъ сердца колеблетъ ожиданье.
Еще сразилися — и Пересвѣтовъ мечъ
Татаринъ мнитъ вотще своимъ мечемъ пре-сѣчь;
Межъ шуихъ ребръ его онъ съ силою прохо-дитъ
И по бедр' струей кровь черную изводитъ.
Ужь Россы въ торжествѣ возносятъ громкій кликъ,

Ордынцы гнѣвные пускаютъ дикій крикъ,
Мурза колеблется и близится къ паденью,
Но злобою кипящъ внимаетъ только мщенью:
Забывъ изъ ребръ своихъ оружіе извлечь,
Онъ въ ярости вознесъ двумя руками мечъ

И съ нимъ всей тяжестью упалъ на Пересвѣта.
Пронзенный инокъ въ грудь, на вѣкъ лишаясь свѣта,
Едва десницею творитъ на персяхъ крестъ;
Покоенъ вѣрою зритъ въ вѣчность путь отверстъ.
Но Челубей межъ тѣмъ, ударомъ увлеченный,
Прогналъ сквозь сердце мечъ, въ боку его вонзенный,
И плавающъ въ крови со скрежетомъ зубовъ
Извергъ въ мученьи духъ, кляня своихъ боговъ (3).
То видѣлъ Пересвѣтъ, и, въ духѣ благодарный,
Послѣдній бросилъ взглядъ въ предѣлы свѣтозарны;
Ослабши силою, онъ тихо палъ на долъ,
И мирно взоръ сокрылъ отъ всѣхъ наземныхъ золъ.
Одежда инока Татарина прикрыла
И Россамъ, ждавшимъ битвъ, тѣмъ добрый знакъ явила.

ПРИМѢЧАНІЯ.

а) Пересвѣтъ былъ воиномъ прежде воспріятія имъ иноческаго сана.

б) Не задолго до пораженія Мамая на Куликовомъ полѣ, разбитъ былъ Россіянами при рѣкѣ Вожѣ воевода его Князь Бечичь.

в) Не всѣ племена Татаръ исповѣдывали тогда вѣру Магометанскую.

136